

**ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ
«ФЭНТЕЗИ ДЛЯ ПОДРОСТКОВ»:**

Дафне Мар
За двадцать минут
до полуночи

Сара Джин Горвиц
Тёмный лорд
по имени Клементина

Кирстен Бойе
Тот, кто приходит
из зеркала

Полли Хорват
Ночной сад

Дамарис Янг
Оборотный Час

Мэри Даунинг Хаан
Гость

М. П. Козловски
Роуз Коффин

Дженни Спэнглер
Тайна пропавших детей

Гилберт Форд
Дружба с призраком

Полли Хорват
Большое богатство

Клаудия Ромес
Дана Мэллори
и дом оживших теней

Лорис Оуэн
Десять секретов
школы Квиксмит

Сара Бет Дёрст
Девочка, которая
не видела снов

Эби Элфинстоун
Королевство украденных
голосов

Трентон Ли Стюарт
Хранители тайны

Р. Л. Тоалсон
Лесной хозяин

Хизер Касснер
Сад костей

Джулия Пайк
Последняя чародейка

Хана Тук
Неправильные дети

Акрам Эль-Бахай
Игра Анука

Дж. Э. Уайт
Ночные тетради

Лето султрачных бабочек

Энн-Мари Конуэй

МОСКВА 2023

УДК 821.111-93
ББК 84(4Вел)-44
К64

Anne-Marie Conway
BUTTERFLY SUMMER

Text copyright © Anne-Marie Conway, 2012
First published in the UK in 2012 by Usborne Publishing Ltd.,
Usborne House, 83-85 Saffron Hill, London EC1N 8RT, England.
www.usborne.com

Конуэй, Энн-Мари.
К64 **Лето сумрачных бабочек / Энн-Мари Конуэй ;**
[перевод с английского М. В. Смирновой]. — Моск-
ва : Эксмо, 2023. — 288 с.

ISBN 978-5-04-168377-1

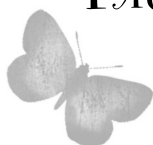
До этого лета Бекки думала, что знает о своей семье всё. Но когда они с мамой переезжают в небольшой город Оукбридж, Бекки случайно находит шкатулку со старыми семейными фотографиями. На одной из них мама держит на руках маленькую девочку в розовом одеяле, а на обороте указана дата. И этот малыш точно не Бекки... Бекки бежит в Сад Бабочек, чтобы рассказать о находке своей новой подруге Розе-Мэй, но та ведёт себя так, будто ей всё равно. С этого момента количество тайн и странностей только множится, и Бекки кажется, что Роза-Мэй тоже что-то от неё скрывает, как и мама. И очень скоро выясняется, что эти опасения не напрасны...

УДК 821.111-93
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-168377-1

© Смирнова М.В., перевод на русский
язык, 2023
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Маме, со всей моей любовью

Глава первая

Мы прожили в нашем новом доме в Оукбридже лишь немногим больше недели, а я уже ненавидела всё вокруг.

Когда мы с мамой переезжали в эту деревню, я представляла себе красивый старомодный коттедж с розами, окружавшими калитку... Ну, то, что дом оказался старым, я угадала верно, но вдобавок он был тёмным, мрачным, и в нём водились огромные пауки, которые заплели всё настолько густой паутиной, что сквозь неё не проникал даже свет. Мы тратили каждую свободную минуту на то, чтобы привести дом в порядок, но он по-прежнему казался мне жутким.

— Новый дом, новая работа, новое начало, — постоянно твердила мама, стараясь, чтобы голос

её звучал радостно. Но с «новым началом» всё было сложно — по крайней мере для меня.

У мамы-то всё было нормально — она жила в Оукбридже до моего рождения, так что для неё это в любом случае не было таким уж новым началом. Но я едва успела окончить седьмой класс, а потом мне пришлось упаковать свою прежнюю жизнь в кучу коричневых картонных коробок и оставить позади всё знакомое и родное.

— Я вообще не понимаю, зачем нам понадобилось сюда переезжать, — ворчала я, сидя за обедом в первую неделю — опять пицца, лежащая в крышке от коробки. С самого приезда сюда мы питались только пиццей. Горячая пицца на обед и холодные остатки пиццы к чаю. Я никогда не думала, что пицца может надоесть мне до тошноты, — но это произошло, серьёзно!

Мама, сидевшая по другую сторону стола, посмотрела на меня и нахмурилась:

— В каком смысле — ты не понимаешь? Сколько раз мне ещё объяснять?

— Знаю, знаю: «Это хорошая работа, слишком хорошая, чтобы от неё отказаться». Но ты же была довольна своей прежней работой, верно? И что насчёт меня? Что я должна делать без Лоры? И как насчёт моего курса по ландшафтной фотографии? Ты же знаешь, как я любила ходить на...

— Послушай, мне очень жаль, Бекки. — Мама прижала пальцы к виску, как будто у неё болела

голова. — Я знаю, что тебе тяжело, но я уверена, что Лора приедет к нам гости этим летом, только попозже, и у вас будет масса возможностей пофотографировать природу здесь, в округе. — Она начала убирать пиццу со стола. — Ты же знаешь, что такая работа подворачивается нечасто, особенно в моём возрасте. Я возглавлю собственный отдел. Это большой шаг вперёд.

Мы были так заняты в эти первые дни, что у меня не нашлось времени подумать — а что я буду делать, когда мама действительно возьмётся за свою крутую новую работу? Были летние каникулы, синоптики постоянно твердили, что это самый жаркий июль за всю историю наблюдений, и мне предстояло как-то скоротать шесть пустых недель. Наш дом ещё не был подключён к интернету, и я едва могла поймать сигнал мобильной связи достаточно надолго, чтобы кому-то позвонить. Вот это и называется — застрять в полной глуши.

Большие коробки мы разобрали в первые же выходные после приезда. Мы распаковывали их целых три часа, и я уже готова была рухнуть на пол от жары и усталости, когда появилась мамина давняя подруга, Стелла, чтобы помочь нам.

— Трейси Миллер, поверить не могу, что ты вернулась! — воскликнула она, врываясь в дом и заключая маму в объятия. — Я так рада тебя видеть! А ты, должно быть, красавица Бекки! —

Она повернулась ко мне, схватила меня за обе руки и крепко сжала их.

Я покачала головой, краснея. Никто раньше не называл меня красавицей. Прямые каштановые волосы, вздёрнутый нос и веснушки — это не то, что можно считать красивым. Милым — может быть, но не красивым.

— Мы с твоей мамой знакомы много лет, — продолжила Стелла, её глаза озорно блестели. — Я знаю её с начальной школы, ты можешь в это поверить?..

Я не могла представить себе маму в начальной школе. Она всегда была невероятно рассудительной и взрослой. Больше похожей на директора школы, чем на кого-либо ещё.

— Она много озорничала? — спросила я, заранее зная, каков будет ответ.

— Озорничала? — расхохоталась Стелла. — Да твоя мама собственной тени боялась! Она бы даже гусю не сказала «бу-у-у»!

Стелла мне сразу же понравилась. Она была того же возраста, что и мама, но казалась намного моложе. У неё были волнистые каштановые волосы с высветленными почти добела прядями, и она постоянно улыбалась. Она ворвалась в наш тёмный пустой дом, наполнив его шумом и смехом. Когда ей надоело разворачивать чашки и блюдца и протирать шкафы, она поставила в проигрыватель старый CD-диск с диско-музыкой и стала танцевать по комнате — по очереди

подхватывая меня и маму и кружа нас, пока мы не запыхались и не вспотели.

— Слишком жарко, Стелла, — простонала мама, отталкивая её, но я видела, что она совсем не против.

— Когда-то мы танцевали всю ночь напролёт! — воскликнула Стелла. — И я не помню, чтобы ты тогда жаловалась!

— Это ты танцевала всю ночь, — со смехом возразила мама. — А я пыталась утащить тебя домой! Но я по тебе скучала, — добавила она. — Это всё было так давно...

— Я тоже скучала по тебе, Трейс, — отозвалась Стелла, на несколько секунд став серьёзной.

Было круто познакомиться с кем-то из маминного прошлого. Она никогда особо не рассказывала о том, почему покинула Оукбридж. Она разошлась с моим отцом и уехала ещё до того, как я родилась, и любое упоминание о нём — или о «тех временах», как она это называла, — гарантированно вызывало у неё головную боль. Я знала, что это звучит странно, но знакомство со Стеллой было всё равно что крошечный шаг к тому, чтобы узнать, что же на самом деле случилось тогда.

— Давай я попрошу своего сына Мака показать тебе окрестности? — предложила она мне перед уходом. — Когда он безвылазно торчит дома всё лето, то только путается у меня под ногами и сводит меня с ума!

Я кивнула и улынулась, хотя желудок у меня сжался в комок. Я представить себе не могла, как буду гулять по деревне с каким-то парнем, которого никогда раньше не видела.

После этого к нам зачастили гости. Должно быть, Стелла рассказала всем о мамином возвращении. Этим и отличаются маленькие поселения — новости в них расходятся быстро. К концу недели к нам зашла некая миссис Уилсон из церкви. Она была низкой, костлявой и застёгнутой на все пуговицы сверху донизу, хотя день был самым жарким с начала лета.

— Вы обе намерены ходить в церковь? — без обиняков спросила она, пока мама наливала ей чашку чая. Я заметила, что она взяла лучшие чашки и такой же чайник. — В следующее воскресенье в церкви будет очень хорошая служба, быть может, вы захотите её посетить?

Мама чуть заметно кивнула.

— Мы очень постараемся, хотя завтра я должна приступить к своей новой работе, а ведь ещё нужно распаковать вещи и так далее... — Она умолкла, и некоторое время мы сидели в тишине.

В присутствии миссис Уилсон мне было не по себе. Она была какой-то кислой — как будто ела слишком много лимонов. Она всё время очень пристально смотрела на меня, а когда мама предложила ей печенье, она пробормотала

что-то непонятное насчёт чревоугодия и греха. Я сразу представила, как Лора сказала бы: «Что за проблемы у этой леди?» — и едва удержалась от того, чтобы фыркнуть в чашку.

— Как ты полагаешь, тебе понравится Оукбридж, Бекки? — спросила миссис Уилсон некоторое время спустя. — Это не самое весёлое место для девочки твоего возраста.

— С ней всё будет хорошо, — быстро ответила мама. — Мы всегда жили вдвоём, так что Бекки привыкла обходиться без шумной компании, а когда начнётся школа, у неё быстро появятся подруги. Я записала её в старшую школу в Фарнсбери, она считается очень хорошей.

Миссис Уилсон хмыкнула:

— В наши дни у подростков нет никакой дисциплины, не то что в те времена, когда я училась в школе.

«И когда это было? — захотелось мне спросить. — В ледниковый период?»

В конечном итоге миссис Уилсон осталась ещё на одну чашку чая, неустанно болтая об этом доме, о том, насколько он старый, и о других скучных вещах. Мама постоянно поглядывала на часы и очень многозначительно покашливала, но старую леди это, похоже, ничуть не трогало.

— По-моему, мне ещё надо закончить распаковывать вещи, — заявила я при первой же возможности и удрала наверх.

Свою новую комнату я терпеть не могла. Она была маленькой, тёмной и душной, даже при открытом окне. Но меня тревожил не столько её размер и даже не нехватка света, а то, как я в ней себя чувствовала. То, что мне пришлось расстаться со своей прежней комнатой, было одним из самых тяжёлых моментов переезда — как будто потерять часть себя. Я пыталась объяснить это маме, но она не понимала. Она сказала, что к концу лета я привыкну и даже не буду помнить о том, как выглядела моя старая комната.

Ночь перед отъездом была самой худшей. Я начала думать обо всех тех людях, которые будут жить в моей комнате после меня, и она уже не будет моей, и никто не будет знать, что я провела здесь первые двенадцать лет своей жизни. В какой-то момент я вылезла из кровати и нацарапала на подоконнике «Бекки Миллер». Для этого я выдернула из двери комнаты старый гвоздь, на котором когда-то висела моя ночная рубашка. Я кучу времени потратила на то, чтобы процарапать буквы в дереве по-настоящему глубоко. Я просто хотела сделать так, чтобы крошечная часть меня осталась здесь — пусть даже это будет только моё имя.

На самом деле распаковывать мне больше ничего не было нужно; это был просто предлог для того, чтобы отвязаться от миссис Уилсон. Я лежала на кровати, слушая, как они с мамой разго-

варивают. Они стояли у входной двери, и миссис Уилсон снова спрашивала маму насчёт церкви. Я не расслышала, что ответила мама — она говорила слишком тихо, — но я знала, что она пытается поскорее избавиться от старой леди. Мама вообще как-то странно относилась к тем, кто заходил к нам, — если не считать Стеллы. Мама сказала, что именно это она больше всего ненавидит в деревне: люди считают, будто могут просто заявиться в гости, не позвонив предварительно и не удостоверившись, что их визит не будет некстати.

Я нашла коробку в тот же вечер, но уже позже, когда миссис Уилсон ушла домой. Коробка была втиснута под мамину кровать вместе с уймой других вещей — должно быть, её засунули туда при распаковке. Я искала журнал — почитать что-нибудь перед сном, — и чтобы дотянуться до того, который был мне нужен, пришлось вытаскивать коробку наружу.

Она была похожа на одну из старомодных шкатулок для украшений — ну, когда открывается крышка, то играет музыка и внутри шкатулки кружатся балерины. Она была сделана из очень тёмного полированного дерева с красивым золотым узором, выгравированным на крышке, и с крошечным замочком. Я провела рукой по поверхности. Шкатулка не выглядела новой, но